

Чешуекрылые, или попросту бабочки

Речь в этой главе пойдет насекомых, шестиногих и четырехкрылых. В мое время они летали повсюду и во множестве. Коллекционирование бабочек – их умерщвление с последующим накалыванием на булавки считалось важным развитием у детей любви к природе. Такая вот любовь. В послевоенные годы в Советском Союзе стал распространяться журнал «Америка», большого формата, глянцевый, с неправдоподобно красивыми картинками. Издавало его, в соответствии со специальным соглашением, американское правительство. Точно так же, как в США советским правительством издавался журнал «Советский Союз». Тоже большого формата, не такой глянцевый, но тоже с многочисленными красочными фотографиями. На «Америку» подписывали во всех отделениях «Союзпечати», но только в пределах согласованного между странами тиража. Его без ограничений продавали в розницу в киосках, но тоже в пределах тиража. Каждая из стран тираж противоположной стороны старались ограничить, а свой увеличить. В результате такого компромисса подписаться или просто купить «Америку» удавалось не каждому.

Отец, наравне с множеством других отечественных литературных, общественных и специальных журналов, выписывал и «Америку». Журналы валялись кучами на столах, как в городской резиденции, так и на даче. Валялись не без пользы, в свободное время, их читал отец, читали и мы, домочадцы. «Америку» я не очень любил, интересного в ней печатали мало, одна пропаганда, но зато фотографии! Вот фотографии я и разглядывал. В одном из номеров (тогда о поездке в США и еще речи не было) я увидел невообразимо красивых бабочек, у одних крылья голубые с металлическим отливом, у других – ярко-зеленые, у третьих – желтовато-зеленоватые со сказочно длинными хвостами-шпорами. О существовании на свете столь дивных созданий я и не подозревал. Рядом с фотографиями примостилась

маленькая записка, сообщающая, что эта чудо-коллекция принадлежит некоему мистеру Гланцу, проживающему в Бруклине, пригороде Нью-Йорка. О Бруклине я понятия не имел, но знал, вернее кое-что читал о Нью-Йорке. Журнал я из общей кучи утащил и припрятал у себя в письменном столе.

Бабочками я увлекся с детства. Началось все с того, что перед самой войной в шестилетнем возрасте я заболел туберкулезом сумки бедра. Антибиотики тогда еще не открыли, доктора прописали мне полный покой, свежий воздух и как можно больше витамина С. Привозимые с Кавказа лимоны считались деликатесом, их нарезали тонкими ломтиками и клали в чай. Вскоре началась война, и лимоны исчезли вовсе. Вместо лимонного меня поили капустным соком. В нем тоже много витаминов. По три стакана в день. Жуткая дрянь.

Со свежим воздухом проблем не возникало, меня, независимо от времени года и погоды, рано утром вывозили в городе на улицу, на даче – в сад и держали там до позднего вечера. Покой тоже обеспечили полный: запаковали в гипсовую форму, отлитую прямо по мне от пояса до ступней ног, примотали к ней бинтами, уложили на лист толстой фанеры и пожелали выздоровления. «Погулять» меня отпускали раз в день на пятнадцать минут: отвязывали, переворачивали на живот, протирали от пролежней спиртом, внимательно следя, чтобы я, не дай бог, не шевелился.

Когда началась война, из Киева, где мы тогда жили, 2 июля 1941 года, перед самым его окружением немцами, меня на носилках погрузили в поезд и вместе со всей семьей увезли в эвакуацию в Куйбышев (Самару). Там нас вместе с семьями других высоких московских начальников разместили в корпусах военного санатория, на самом берегу Волги. На нашей жизни в Куйбышеве я останавливаться не стану, да и какая жизнь у мальчишки день и ночь примотанного бинтами к фанерной доске? Почти такая, как у бабочки в коллекции.

Итак, о бабочках. Бабочки возникли весной 1942 года, в мою первую весну в эвакуации. Рядом с двухэтажной деревянной, еще дореволюционной постройки, дачей – мы в ней занимали первый этаж, а на втором жили Маленковы – росли огромные кусты сирени. Под этими кустами я «гулял», по-прежнему прищипленный к фанере и водруженный на больничную каталку на колесиках. Дети со мной, естественно, не играли. Да и как со мною играть? Подойдут на пару секунд, посмотрят и убегают по своим делам. Стараясь хоть как-то скрасить мою неподвижность, мама мне читала книжки, их у нас в эвакуации оказалось три. Первая и самая актуальная, Корнея Чуковского «Солнечная» – о таких же, как я, несчастных туберкулезных малышах, лечившихся от недуга крымским солнышком. Книжку я прослушал бесконечное количество раз. Ее герои декламировали «собственного сочинения» стишок:

Я завидую здоровым —
Поросятам и коровам.

Эти строчки – квинтэссенция нашей «больной» жизни – запомнились мне навсегда. Прикованные к кровати в буквальном смысле этого слова, мы завидовали всем, способным бегать, прыгать, летать.

Чуковский написал свою книжку в 1931 году, тогда его Мурочка, младшая и любимейшая дочка, подхватила костный туберкулез и выхаживали ее в этом «солнечном» крымском санатории. Не выходили. Мурочка умерла. Мне повезло больше.

Другая книга о юных натуралистах, по методу академика Лысенко яровизировавших под Одессой картошку, и третья, моя самая любимая «Остров в степи» – о Фальц-Фейнах, их фамилию я помню до сих пор, и устроенном ими в своем имении в южноукраинской степи, под Каховкой, зоопарке-заповеднике Аскания-Нова с редкими животными и их гибридами. Но бесконечно читать книжки и даже слушать их, невозможно. Основную массу времени я

проводил, предоставленный сам себе, лежал под сиренью, по цветам которой порхали самые разные бабочки. Всех я не запомнил, меня поразили «огромные» желто-полосатые хвостатые махаоны. Взрослые иногда ловили их, и давали мне подержать, я вглядывался в рисунок на крыльях, а потом бездумно и безжалостно стирал пальцами пыльцу. Наверное, по детской жестокости, я еще и убивал свои жертвы, но смертоубийство мне не запомнилось. Запомнилось, как я выпускал махаонов. Очень сильные, мускулистые, стоило чуть разжать пальцы, они одним ударом крыльев вырывались на свободу, но далеко не улетали, снова садились на грозди сирени, где их совсем недавно поймали. Мне безумно хотелось самому половить махаонов.

Притягательная краса махаонов поразила в детстве не одного меня. Писатель Сергей Тимофеевич Аксаков в «Семейной хронике» описывает, как в конце 1790-х годов они путешествовали по России и как его, восьмилетнего мальчика, восхитил махаон, сидевший на цветке придорожного чертополоха.

Владимира Владимировича Набокова примерно в том же возрасте, но веком позже, приворожил такой же махаон, порхавший над кустами сирени в их дореволюционном имении.

В 1943 году я начал выздоравливать, вновь учился ходить, сначала на костылях, потом без них, и наконец забегал. В мире оказалось столько интересного, что о махаонах я позабыл. Вернее, мне казалось, что позабыл. Вновь интерес, я бы сказал страсть, к махаонам и иным бабочкам у меня проснулась уже после войны, в Киеве. Лето мы проводили на госдаче в Межигорье. Там, рядом с соседним домом (в 1947 году в нем жили Кагановичи), я обнаружил засаженную «майорами», по-научному цинниями, грядку. Яркие цветы привлекали бабочек со всей округи: хвостатых махаонов, бело-красных адмиралов, коричнево-розовых чертополохниц и их ближайших родственниц, темно-коричневых скромниц с белым «С», каллиграфически выведенным природой на буровой обратной стороне крыльев. Над грядкой порхало и множество других бабочек: больших и средних белянок, желтушек и совсем маленьких голубеньких голубянок. На фоне всей этой пестроты и богатства красок королями оставались махаоны, в начале лета, такие же, как в Куйбышеве, желто-полосатые, а ближе к осени появлялись южане – подалирии, с рисунком крыльев постroje, не ярко-желтым, а скорее белесоватым, тоже с черными поперечными полосами и остренькими, длинненькими шпорами-хвостами. Под Киевом я их увидел впервые. В то лето я наловил бабочек вволю. Безжалостно накалывал их на мамины булавки, а кое-как распластанные крылья придавливал к крышкам картонных конфетных и папиросных коробок кусочками расплющенной свинцовой оплетки проводов. При этом половина пыльцы с них стиралась. Как правильно препарировать бабочек я тогда не знал, все постигал своим умом. Высушенные бабочки я хранил в коробках со стеклянными крышками. Мама в них складывала вилки с ложками. Дно коробок жесткое, деревянное, сверху натянутое белой плюшевой тканью, плохо поддавалось, и чаще не острие булавки входило в фанеру, а головка булавки протыкала мой палец. Пальцы вечно были исколоты, но я не обращал на это внимания.

К концу четвертого класса, первым школьным экзаменам, подводящим итог начальному обучению, я, посчитав себя взрослым, коллекцию забросил. Сухих бабочек в неплотно закрытых коробках постепенно поела моль, и от махаонов или бражников оставался один прах.

В третий раз, в относительно зрелом возрасте, любовь к чешуекрылым пробудили у меня не красавцы-махаоны, а ночные бабочки-павлиноглазки, или сатурнии. Больше махаонов, с круглыми пятнами-глазами на серо-коричневых крыльях, так, по мнению ученых, бабочки отпугивают птиц и других намеревающихся их съесть хищников. Не знаю, правда ли это, мне узор казался не пугающим, а привлекательным. Но я же не птичка. Перед войной павлиноглазки, большие и поменьше, по вечерам во множестве обитали в Межигорье, в

предвечерье слетались на свет, залетали в окна дачи, порхали вокруг ламп, а к утру устраивались по углам, где потемнее, прятались за шторами. В послевоенное время большие павлиноглазки появлялись крайне редко. Они исчезали на глазах, не выдержав напора цивилизации.

Летом 1956 года мы с моей невестой оказались под Киевом, в Валках, в правительственном дачном комплексе рядом с Межигорьем. В главных, больших корпусах обитали Коротченки, глава семейства, Демьян Сергеевич тогда возглавлял Украинский Верховный Совет. Поодаль от основного дома, на спускающейся к Днепру круче, в выделенном ей украинцами «финском» домике проводила лето моя старшая сестра Юля. Она единственная из нашей семьи не последовала за отцом в Москву.

Все дни мы с невестой проводили на песчаной косе, под откосом высокого правого берега Днепра, и ни о каких бабочках, ни дневных, ни ночных, не помышляли. От дома к пляжу в тени деревьев по крутому склону петляла тропинка. Утром мы спускались к воде, а к вечеру, проголодавшись, возвращались домой. Хотя о бабочках я не думал, но взгляд мой в поисках чего-то любопытного привычно шарил по окружавшей зелени. Под Киевом тогда в изобилии встречались жуки-олени, жуки-носороги и всякая иная теперь уже ставшая «экзотикой» живность. Мое внимание привлекло рыжеватое треугольное пятно на листе, нависавшей над обрывом ветки граба. Оно напоминало силуэт бабочки-павлиноглазки. Чтобы разглядеть диковинку поближе, я полез на кручу. На шероховатом листе, вцепившись в него всеми шестью лапками, сидела огромная, ни разу не виданная мною роскошная светло-бежевая павлиноглазка. Я глядел на нее и не мог оторваться. Согласно логике жизни, мне, относительно взрослому собравшемуся жениться студенту-старшекурснику, следовало не торчать на обрыве, а идти своим путем на пляж. Но повторяю, оторваться я не мог. Павлиноглазка околдовала меня. Осторожно, чтобы не повредить пыльцу на крыльях, я оторвал ее от листа, она не очень сопротивлялась, ночные бабочки днем беспомощны. Эта же вообще казалась одурманенной или не очень здоровой, не трепыхалась и безропотно уцепилась за мой палец.

До пляжа мы в то утро не дошли, вернулись домой, где я, вспомнив свой прежний опыт, кое-как умертвил, насадил на швейную иголку и расправил бабочку. Местных бабочек я знал хорошо, особенно больших, откуда такая красавица могла здесь взяться – не понятно. Юля в то время работала в какой-то в связанной с медициной лаборатории Украинской Академии наук. Там она разузнала, что киевские ученые-энтомологи занялись акклиматизацией китайского шелкопряда, так некстати, а скорее кстати, попавшего мне на глаза.

Китайские шелкопряды из семейства сатурний-павлиноглазок, как и все другие шелкопряды, заматывают свои куколки в нитяной кокон. Из коконов, к слову, тоже завезенного из Китая тутового шелкопряда, издревле получают шелк. У китайского шелкопряда нить более грубая, она идет на выработку чесучи. В Китае, конечно.

Украинцы решили выращивать павлиноглазок у себя и самим научиться ткать из их нитей чесучу. Насколько я знаю, чесучовая затея провалилась. Время шелкопрядов ушло. В век нейлона и других чудес химии павлиноглазковая чесуча оказалась неконкурентоспособной.

После встречи с китайским шелкопрядом любовь к бабочкам вновь захватила меня и не отпускала многие-многие годы.

Вернувшись в Москву, я отыскал в кладовке почему-то не выброшенную коробку с останками моих давнишних махаонов, тщательно вычистил ее и водрузил павлиноглазку в левый верхний угол. Затем смастерил себе марлевый сачок и, стесняясь окружающих и самого себя, начал охоту на бабочек. Ловил я их в основном на даче, но по мере того как мое стеснение проходило, начал появляться с сачком и в более людных местах. Друзья и жена принимали это мое увлечение как данность и даже порой сами брали сачок и гонялись за

какими-либо капустницами или крапивницами. Естественно, охоту за ценными экземплярами я никому не доверял.

В букинистических магазинах я разыскивал старинные книги о бабочках. Мне попался изданный в 1899 году том Гофмана (не сказочника) – переведенный на русский язык определитель бабочек с краткими описаниями приемов их ловли, разведения в неволе и сохранения коллекции. Из этой книги я узнал, что мое пристрастие к бабочкам – не извращение, не признак духовной или умственной ущербности, к тому же вовсе не уникальное, таких, как я, в мире немало. К примеру, коллекционировал бабочек один из Ротшильдов, крупнейший в мире банкир и известнейший в XIX веке энтомолог. В его честь названы десятки новых видов бабочек.

Согласно вычитанным у Гофмана инструкциям, я покрыл дно застекленных ящиков пробкой, булавки в нее легко вкалывались, соорудил специальные расправилки крыльев бабочек и, о чудо, обнаружил в зоомагазине на Кузнецком мосту изящные длинные черные специальные энтомологические булавки: потолще для крупных насекомых и тоненькие для всякой мелюзги.

Вслед за Гофманом я нашел, тоже изданные до революции, определитель Ламперта для профессионалов и еще какие-то совсем примитивные книжки для детей. Затем узнал о существовании немецкого более чем сорокатомного определителя бабочек мира под редакцией Зейтца. Его начали издавать в Германии при кайзере, последующие тома вышли во времена Веймарской республики и продолжали выходить при Гитлере. Приостановилось издание в 1944 году. Мне удалось приобрести несколько томов, огромных, в твердых зеленых переплетах с тисненными на них золотом контурами бабочек. Каждый том из двух книг: в одном описание, в другом – рисунки. Тысячи разнообразных бабочек: дневных, ночных, европейских, азиатских, американских.

Так что к моменту отъезда в США я чувствовал себя почти профессиональным энтомологом. К поездке приготовился основательно: упаковал в чемодан журнал «Америка» с весьма приблизительным адресом мистера Гланца, уложил стандартный полевой набор энтомолога: раскладной сачок, баночки-морилки с притертыми пробками и приколотыми к ним пакетиками с цианистым калием, конвертики для упаковки умерщвленных бабочек.

Где я собирался ловить бабочек во время государственного визита? Никаких планов заранее не составлял и не очень рассчитывал, что такая возможность представится.

Вылетели мы 14 сентября 1959 года до рассвета, на Ту-114, способном долететь из Москвы до Вашингтона без посадки. Отец очень гордился, что у нас есть такой самолет, а у американцев – нет.

Столь ранний вылет определялся протоколом встречи – приземление на военно-воздушной базе Эндрюс запланировали на полдень, чтобы после короткого отдыха включиться в череду официальных встреч, речей, ланчей и обедов. Летели мы на запад целую вечность, часов одиннадцать-двенадцать, если не больше. Прилетели невыспавшиеся, уставшие, но, не желая упустить ничего из диковинок Нового Света, спать не намеревались.

Нас разместили в Блэйр-Хаузе, гостевом особняке почти напротив Белого дома. Отец уединился с Громыко и нашим послом Михаилом Алексеевичем Меньшиковым, чтобы обсудить планы на вечер. Я же отыскал кого-то из посольских, показал мой журнал и спросил, как я смогу разыскать мистера Гланца. Из Вашингтона планировался отъезд поездом в Нью-Йорк, и я не мог и не хотел терять времени. Первый секретарь посольства, кажется по фамилии Андреев, посмотрел на меня как на сумасшедшего. Я настаивал. Тогда он объяснил, что в Бруклин наших не пускают, там закрытая зона. Лицо у меня вытянулось. Посольский равнодушно отвернулся, а стоявший рядом лысоватый американец оказался любезнее. Звали его мистер Алекс Акаловский, и он свободно, правда с акцентом, говорил по-русски. Мельком глянув на страницу журнала с бабочками, он вежливо напомнил мистеру Андрееву, что

на время визита Председателя Хрущева все обычно закрытые для советских людей зоны открываются, можно ехать и идти куда угодно. Андреев на слова Акаловского не отреагировал, зато я вцепился в них обоих:

– Значит, я смогу попасть к мистеру Глантцу и полюбоваться его бабочками?

– Естественно. Я попрошу разузнать его адрес и договориться о встрече, – широко улыбнулся мистер Акаловский.

В тот день мы так и не спали, а к семи часам вечера отправились в Белый дом на официальный президентский обед. Замечу, для нас, вставших вчера около четырех утра по московскому времени, «семь часов вечера» – это уже завтрашнее утро. Выглядели мы соответственно, только отец держался молодцом.

Мне, абсолютно сонному, от того вечера запомнились: застывшие у всех дверей морские пехотинцы, столы, накрытые в полутемном, а не так, как у нас сверкающем всеми огнями, зале и горящие свечи на столах. Зачем нужны свечи в век электричества, я не понял, но смотрелись они красиво. Поразили мое воображение разложенные рядом с тарелками многочисленные и разнообразные золотые ножи, вилки, ложки. Такого я не только никогда не видел, но и вообразить себе не мог. Одно дело золотые сережки, но золотые вилки с ложками?!

Кормили вкусно, но чем, спросонья не запомнилось, за исключением бифштекса-стейка. Он поражал не только искусством приготовления, но и гигантскими размерами. Доели его до последнего кусочка, а отец, в обычные дни сидевший на рыбно-отварной диете, даже попросил добавку. Такие стейки «выращивали» на родине канзасца-президента, и отец потом оправдывался, что вторую порцию попросил исключительно из дипломатических соображений, но мама ему не очень поверила. Мы все видели, как он ел, никакой дипломатией там и не пахло.

После сладкого и обмена протокольными речами, казалось, пришло время поспать. Но не тут-то было. Нас еще ожидал концерт. Очень хороший концерт. В Белый дом пригласили лучших музыкантов. Что они исполняли, я не запомнил, запомнилась лишь борьба со сном: голова валится то влево, то вправо, короткие пробуждения и провалы памяти. Члены делегации чувствовали себя не лучше, кое-кто откровенно похрапывал, а вот сидевший в первом ряду рядом с президентом Эйзенхауэром отец казался совсем свежим. Только потом он признался, что концерт высидел с трудом. Разошлись около полуночи, по московскому времени – к восьми утра.

Через пару дней мы оказались в Нью-Йорке. В Манхэттене подивились, как водится, небоскрегам. Отец переезжал с одного протокольного мероприятия на другое, а все мы, сопровождавшие его, следовали за ним повсюду как привязанные. А я все думал, как бы отыскать в расписании щелочку и смотаться к мистеру Глантцу. Наконец повезло. Отец отправлялся на встречу с губернатором штата Нью-Йорк Рокфеллером, а остальным предоставлялась недолгая свобода. Я попросил свозить меня в Бруклин. Товарищ Андреев ехать со мной отказался, объяснил, что американцы хитрят, только говорят, что открыли Бруклин, а сунешь туда нос, там тебя и сцапают.

– Что вы! – возразил вертевшийся рядом Акаловский, они ходили с Андреевым, как привязанные друг к другу. – Ничего подобного. Вы можете ехать куда пожелаете.

Я воспрянул духом.

– Я узнал адрес мистера Глантца. У него небольшой магазинчик по торговле бабочками. – Теперь мистер Акаловский обратился напрямую ко мне: – Если хотите, наши люди сопроводят вас. И вас, – повернулся он к Андрееву.

Андреев ехать в Бруклин отказался. Меня поездка без «своих» нервировала, кто-то знает, что на уме у этих американцев?... И почему Андреев так упорно отказывается? Наверное, он, местный должитель, что-то знает. К тому же, слова Акаловского о торговле бабоч-

ками меня несколько озадачили. Кому они нужны? Кто их купит? Наверное, он что-то напутал. Колебался я недолго. Желание взглянуть на коллекцию взяло верх над подозрительной осторожностью. Акаловский приставил ко мне сопровождающего из охраны Белого дома, они повсюду следовали за нами, и своего переводчика. Я кое-как объяснялся по-английски, но очень стеснялся своего произношения. До последнего момента я надеялся, что Андреев все-таки поедет с нами – не бросит же он меня на судьбы! Но бросил.

В Бруклин мы отправились в сопровождении полицейских на мотоциклах. Попетляли между небоскребами, проехали по мосту и... «Америка» закончилась. Дальше мы пробирались по обшарпанным улицам с выстроившимися вдоль тротуаров, одно– двухэтажными невзрачными домиками, по виду что-то вроде подмосковных Мытищ или Подлипков, но это же не Мытищи – а Нью-Йорк! Я немного забеспокоился, куда это меня везут? Но вида не подал. Через полчаса мы остановились у такого же, как и все, домика. В маленькой витринке выставлены коробки с бабочками, сачки и другая энтомологическая снасть. Акаловский не ошибся – это магазинчик, а не обиталище американского Паганеля.

Я продолжал недоумевать: торговля бабочками – такая же глупость, как торговля лунным светом. У входа в домик нас ожидал несколько растерянный мистер Глантц, впервые в жизни к нему прибыли посетители в сопровождении полицейского эскорта. Тут же набежала небольшая толпа, в основном мальчишки, защелкали вспышки фотоаппаратов. Хотя мистер Глантц загодя оповестил прессу, их собралось немного – по большей части дежурные репортеры городской хроники.

После короткого замешательства перед дверью, мы вошли, как мне показалось, в энтомологическую «пещеру Аладдина». На небольшом прилавке лежало все, о чем мог только мечтать коллекционер: булавки всех размеров и видов, морилки, расправилки, пинцеты, сачки... По стенам – стеллажи с бесчисленными ящиками и ящичками с бабочками, и такими, каких я не видел даже на картинках: от отливающих голубым кобальтом дневных морфид до сочно-коричневых ночных, размером с тарелку павлиноглазок. Меня обуяла жадность коллекционера, я хотел бы заполучить их все и лихорадочно прикидывал свои финансовые возможности: это магазин, бабочки, как ни удивительно, товар, а за товар следует платить. Однако я не имел ни малейшего представления, сколько может стоить этот «товар», а все мои ресурсы ограничивались чем-то около пятидесяти или даже тридцати долларов.

Отец, как я уже отметил, транжирства государственных средств не допускал, считал, что сопровождавшим его лицам выдавать драгоценную валюту, доллары, нет никакой необходимости: туда и обратно всех бесплатно доставит Ту-114, в США делегация переходит на содержание принимающей стороны – они и накормят, и напоят, и в гостинице спать уложат. Зачем еще доллары, которых в стране в обрез? «Сопровождавшие лица» его государственных соображений не разделяли.

К поездке отец готовился на даче в Крыму, потом на Пицунде, в окружении помощников, мидовцев и прочих экспертов. После двух дней совещаний к нему отрядили ходоков: Аджубея с Громыко. Алексей Иванович, краснобай, способный заболтать кого угодно, Громыко – эксперт-американист, человек, знающий Америку не понаслышке. Разговор они затеяли во время утренней прогулки до завтрака в моем присутствии. Завел разговор Алексей Иванович, что в США поверх официальной оплаты принято совать доллары всем, от швейцара до управляющего гостиницы, кому доллар, а кому и десятку, даже в туалет там за так не зайдешь. А если приспичит? Без карманных денег мы только дискредитируем советских людей. Громыко кивал головой и басовито поддакивал. Разговор возымел действие, и отец распорядился раскошелиться, но только «на туалет».

Вот эти, «туалетные» деньги я и хотел растратить на бабочек. Мистер Глантц показывал мне бабочек из Южной Америки, Африки, Азии и даже Австралии и каждый раз спрашивал: «Нравится?» Совершенно подавленный представшим передо мной великолепием, я

только кивал в ответ, и он откладывал отобранный экземпляр. Я смотрел на них и пытался представить себе, сколько может стоить одна бабочка? Двадцать центов? Пятьдесят? Или целый доллар? По моим финансам, доллар – серьезная сумма.

– Конечно, не доллар, – успокаивал я себя. – Как бабочка, даже такая красивая, может стоить целый доллар?

Кучка аккуратных треугольных бумажных пакетиков с бабочками внутри тем временем росла, а я еще не увидел наяву главного – поразившей меня в журнале «Америка», роскошной зеленовато-желтоватой павлиноглазки-сатурнии с пятнадцатисантиметровыми хвостами-шпорами на задних крыльях. Проявив инициативу, я ткнул пальцем в картинку (журнал я прихватил с собой), мистер Глантц, чуть замешкавшись, сказал, что у него более миллиона бабочек и поиск порой занимает много времени. Я, чувствуя себя состоятельным покупателем, ответил, что готов подождать.

Мистер Глантц вздохнул и скрылся за дверью. Ждать не пришлось, через минуту он вернулся с бабочкой, она оказалась родом с Мадагаскара. Моему восторгу не было границ, за такую павлиноглазку я, не колеблясь, выложил бы даже пять долларов. Тут у меня мелькнула тревожная мысль: «А вдруг денег не хватит? Позора не оберешься».

– Спасибо, – наконец произнес я сдавленно. – Сколько с меня? Мистер Глантц объяснил, что платить не надо, всю кучку «моих» бабочек он дарит мне в знак дружбы. Я поупрямился, но не очень, для вежливости, и согласился. Тут стало понятно нежелание хозяина разыскивать мадагаскарскую красавицу, она стоила дорого. Сколько? Я и по сей день не знаю.

Настала пора уезжать. Тем временем толпа ожидавших нас за дверью журналистов заметно увеличилась. Пока мы прощались, многочисленные фото-, кино-и телекамеры снимали нас с мистером Глантцем в различных ракурсах. О подобной рекламе мистер Глантц и не мечтал. Фотографии его магазина на следующий день появились во всех телевизионных выпусках новостей и в газетах, даже в «Нью-Йорк Таймс».

Расставались мы друзьями, договорились поддерживать связь. Мистера Глантца интересовали эндемики Крыма, Кавказа, Прибалтики, пусть порой и невзрачные, но уникальные.

По возвращении в Москву я отправил в Бруклин первую коробочку с крымскими бабочками. Доверить ее столь ценное, а главное, хрупкое содержимое почте я не решился. На таможах, нашей и американской, все изломают, сухие бабочки превратятся в труху. Выручил меня Громыко, он не только взялся переслать все диппочтой, но и поручил кому-то в Нью-Йорке передать моих бабочек мистеру Глантцу из рук в руки.

Тут возникли затруднения. После отъезда отца Бруклин вновь закрыли для советских людей. Консульству пришлось запрашивать у Государственного департамента специальное разрешение. Разрешение дали на один раз. О посылке «из Кремля» мистеру Глантцу сообщили газеты. Благодаря нашим контактам он становился знаменитым. В ответ я получил по почте еще один ящичек с тропическими бабочками. На углу каждого конвертика стояла цена – не выше полудоллара. По тем временам, когда машина стоила около тысячи, приличные деньги.

Так же, через Громыко, я отправил Глантцу еще несколько посылок. Каждый раз, чтобы доставить их на место в Бруклин, требовалось разовое разрешение Госдепа. Американцам это надоело, и они открыли этот район Бруклина для посещений, но тут же закрыли какой-то другой. Дело было не в секретах, а в дипломатической взаимности. В Москве американцев не пускали, скажем, на шоссе Энтузиастов с секретными институтами и заводами по обеим сторонам, а от нас закрывали Бруклин и Бронкс, иногда тоже секретный район, а порой просто из принципа.

К моему сожалению, через пару лет наш обмен сошел на нет. «Посылки из Кремля» американскую прессу занимали все меньше, а вместе с ней терял ко мне интерес и мистер Гланц. Наша связь прекратилась.

И вдруг, в самом конце 1990-х годов, я получил письмо от сына мистера Гланца. Его отец уже умер, «бабочковый бизнес» они продали, но нашу встречу в сентябре 1959 года вспоминали еще долго не только они, но и вся их улица. На этом наша связь вновь прервалась, теперь видимо навсегда.

Но продолжу рассказ о моих американских недоразумениях в ту поездку. Не растроченные на бабочек доллары я решил употребить на подарок жене. Однако вырваться в магазин из бесполезной для меня протокольной суеты официального визита долго не удавалось. Такая возможность представилась только в Сан-Франциско. Неожиданно выдался свободный вечер, отец еще засветло уехал на встречу с местными профсоюзниками и задержался. Стороны никак не могли доспорить, кто же лучше заботится о трудящихся, страсти накалились так, что забыли о времени. Пришлось даже отменить посещение, кажется, концерта.

Я коротал время в гостинице, читал, слонялся в холле. Там меня заметил один из обеспечивавших визит полицейских и предложил показать город. Гуляли мы часа два, сначала в напряженном молчании, потом разговорились. Я краем глаза поглядывал на витрины магазинов, но не подавал вида, что хотел бы зайти в зазывающе открытые двери. На одной из витрин я углядел симпатичную, стойкую всего пятерку, женскую сумочку, кажется из крокодиловой кожи, и еще складной зонтик за полтора доллара. Как раз то, что надо. Я уже почти не слушал моего полицейского, раздумывая, как бы улизнуть от него в магазин. Тем временем полицейский постепенно освоился, потерял всю свою официальность и, когда мы шли мимо порта, даже стал меня зазывать в ближайший бар: его-де там все знают, выпивка бесплатная, а какие там девочки... Я на «провокацию» не поддался и как можно небрежнее сказал, что хотел бы приобрести сувениры для жены. Полицейский пришел в восторг и, выяснив, что мне хочется купить, потащил меня не в тот магазинчик, что я заметил, а в огромное, сияющее здание. Я не сопротивлялся, исходя из моего московского опыта, полагал, что на зонтики и сумочки цена везде одинакова.

У заваленного всякой всячиной прилавка, он подробно объяснил продавщицам кто я и что мне требуется. Через минуту я уже выбрал из дюжины сумочек – лучшую, и из горки зонтиков – самый лучший. Выбрал, о цене не спрашивая, я ее и так знал, а ценников на этом прилавке не оказалось.

– Вот эти, – небрежно произнес я.

Цены меня ужаснули. Они в разы превышала те, что я видел в витрине «того» магазинчика, и хотя не выходили за пределы моих финансовых резервов, но на будущее оставляла возможность разве что посетить туалет. Кстати, в Америке они оказались бесплатными.

Отказаться от покупки мне представлялось недостойным советского человека, и я, как мне казалось, невозмутимо расплатился.

На следующее утро, развернув газету, я на пятой или шестой странице обнаружил свою фотографию у прилавка магазина. Кто меня щелкнул, не знаю. Скорее всего «мой» полицейский. Подпись под фотографией ехидно сообщала, как сын Хрущева выбирал покупки в магазине французской роскоши и, узнав цену, переменялся в лице. А я-то считал, что вида не подал. Подал, да еще как! В делегации никто моего «позора», казалось, не заметил, я же решил больше в американские магазины не ходить. Благо и денег у меня не осталось.

По возвращении в Вашингтон президент Эйзенхауэр с отцом отправились на переговоры в Кэмп-Дэвид, в загородную резиденцию. У остальных образовалось «окно». Члены делегации разбежались за покупками. Я же попытался реализовать свою мечту половить бабочек и за содействием обратился к сопровождавшему нас президентскому охраннику. Он ничуть не удивился, за свою службу они повидали всякое, но его и особенно меня смущали

дежурившие вокруг Блэйр-Хауза журналисты. Охранник пообещал все уладить и куда-то исчез. Вернувшись через час, он сообщил, что можно ехать.

К тому времени я уже приготовил привезенные из Москвы сачки, морилки, конвертики для бабочек и все упаковал в сумку так, чтобы никто не догадался о содержимом. У дверей Блэйр-Хауза, как всегда, толпились репортеры. Как только мы появились на пороге, защелкали затворы фотоаппаратов. Охранник распахнул дверцу машины. Мы тронулись, за нами увязалась машина прессы. В отсутствие первых лиц они охотились за всеми подряд. Я расстроился.

– Все в порядке, – улыбнулся охранник.

Пока я недоумевал, что же в порядке, машина развернулась и въехала в ворота территории Белого дома. Блэйр-Хауз расположен напротив Белого дома, на противоположной стороне улицы. Журналисты остались за оградой. Я забеспокоился, не задумали ли они представить меня бегающим с сачком по лужайке перед Белым домом на потеху публике и репортерам. От американцев всего можно ожидать! Додумать я не успел, машина остановилась у парадного входа, и охранник пригласил меня пройти внутрь. В уже знакомой мне по официальному обеду обширной прихожей, мы направились в дальний угол. Там оказалась неприметная, без наличников, окрашенная в цвет стен, дверка. Охранник открыл ее и пропустил меня вперед. Я ступил на ведущую вниз бетонную лестницу. Спустившись, мы оказались в узком туннеле. Низкий потолок рукой можно достать, вдоль серых крашеных стен проложены какие-то кабели, на потолке уходящая вдаль череда забранных металлическими решетками, матовых плафонов освещения.

Шли мы по коридору довольно долго, или мне показалось, что долго, и уткнулись в дверь, такую же, как та, через которую мы вошли в туннель. Охранник поколдовал с замком, открыл дверь и вышел, я последовал за ним, а он аккуратно запер дверь. Мы оказались в еще одном подземелье, но значительно более просторном, со стенами, отделанными какой-то плиткой. Мимо нас сновали люди. Множество людей. Одни поднимались по лестнице и исчезали наверху в солнечном свете, другие спускались к нам. Сооружение очень походило на подземный переход под улицей, такие недавно начали строить в Москве, или на вход в метро. Так оно и оказалось: подземный переход. Мы смешались с толпой, поднялись по лестнице на поверхность и оказались на перекрестке каких-то улиц, как мне представлялось, далеко от Белого дома.

У тротуара стояли две машины, не черные представительские, а желтые, похожие на такси. Рядом с ними прохаживались рослые, крепко сбитые, стриженные под бобрик водители. Один из них приветственно помахал нам рукой, мой спутник ответил ему тем же.

– Видите, никакой прессы, мы их немного надули, – улыбнулся мой сопровождающий.

Я растерянно кивнул в ответ, не очень понимая, хорошо это или плохо. Загадочность нашего побега от журналистов меня несколько обескуражила. Мы разместились в машинах и запетляли по вашингтонским улицам. Я успокоился. Наверное, у них в Америке туннель, уводящий из Белого дома к отдаленному перекрестку, в порядке вещей. Возможно, им пользуются американские президенты, чтобы подобно Гаруну Аль Рашиду из сказок Шехерезады неузнанными побродить по Вашингтону, посмотреть на жизнь подданных? Или этим туннелем пользуются тайные осведомители и шпионы? Или он служит для свиданий с возлюбленными? Или?...

Мое воображение разгулялось. Я не заметил, что Вашингтон остался позади и мы едем по дороге, обрамленной, лужайками, скорее лужками, огороженными деревянными заборчиками. Трава уже пожелтела, цветов я не увидел – осень, сентябрь. Не лучшее время для охоты за бабочками. К тому же солнце уже давно перевалило зенит. Но ничего не поделаешь. Я успокоился.

– Здесь подойдет? – спросил тот, с кем мы пробирались по туннелю, и ткнул пальцев в ближайший лужок.

Я кивнул: какая разница, тут или там – все лужайки одинаковы.

В Америке я рта без крайней необходимости не раскрывал, стеснялся своего английского.

Машины остановились. Я быстро распаковал свой скарб, свинтил сачок и, перебравшись через невысокую изгородь, приступил к охоте.

Меня ожидало вполне предсказуемое разочарование, бабочки попадались невзрачные, летало их совсем немного, но зато все американские. Добычу я аккуратно упаковывал и складывал в заранее заготовленную жестяную коробку из-под печенья. (В Москве я их приведу в надлежащий вид, насажу на булавки, определюсь с названиями. И сейчас в моей коллекции есть бабочки с надписью на этикетках: «Поймано в Вашингтоне, США, в сентябре 1959 года». Я ими очень горжусь.)

Со стороны наша компания смотрелась, наверное, занятно. Один взрослый дядя, размахивая сачком, носится в загородке, по всей вероятности предназначенной для выпаса телят. Трое других стоят поодаль и невозмутимо наблюдают за его не всегда изящными, пируэтами. Прошло около часа, старший сопровождающий дал знак: пора собираться. Я безропотно подчинился, да и солнце уже садилось, в такое время бабочки устраиваются на покой. Неважно, как я выглядел со стороны, но сам я за этот час испытал истинное удовольствие, может быть, наибольшее за всю поездку.

В Блэйр-Хауз мы вернулись, минуя туннель, протиснулись к двери через поредевшую к вечеру толпу встрепенувшихся и тут же потерявших к нам интерес журналистов, протиснулись к двери и распрощались. Приключение закончилось.

Тем временем отец в Кэмп-Дэвиде занимался серьезными разговорами, но и ему удалось краешком глаза взглянуть на американскую природу. Президент США Эйзенхауэр и Председатель Совета Министров СССР Хрущев, оба выросли в глубинке, один в канзасской, а другой в курской, оба знали, что такое труд на земле, ценили и любили его. Эйзенхауэр получал от выращенных на его личной ферме в Геттисберге, в штате Мэриленд, бычков такое же удовольствие, как и отец от своих посевов кукурузы, чумизы или гороха на подмосковной госдаче Горки-9. Отец первым делом тащил гостей посмотреть на его огород, и Эйзенхауэр, когда выдалось окно в переговорах, пригласил отца слетать на вертолете на ферму, отвлечься, без сопровождающих лиц погулять по полям, полюбоваться его стадом. Там дедушку Эйзенхауэра ожидали внуки: одиннадцатилетний Дэвид (это в его честь назвали Кэмп Дэвид), восьмилетняя Сьюзен, их сестры Барбара, Мэри и, конечно, их родители. Все дедушки одинаковы. Отец также не упускал случая похвалиться своими внуками, внуки всегда на первом месте.

Спустя три десятилетия я познакомился и даже подружился с внуками президента Сьюзен и Дэвидом. Они рассказывали, как их умывали и причесывали перед прибытием важного и «страшного» советского гостя, наставляли не шалить, а он оказался совсем не страшным, улыбчивым и лысым, чем-то похожим на их собственного деда Айка. Сьюзен вспоминала, как Хрущев подарил им елочные гирлянды, она до сих пор сберегла одну из них. Из подарков у них в семье больше ничего не осталось, все они, в том числе и копия первого в истории человечества лунника, согласно американскому закону, хранятся в Президентской библиотеке в Канзасе.

После знакомства с внуками Эйзенхауэр пригласил отца посмотреть его хозяйство и первым делом неубранное просяное поле, куда по осени во множестве слетаются перепела, он тут на них охотится. Отец, сам охотник, хозяина не одобрил. Все размечено, где охотник, где дичь, заранее известно, когда и откуда вылетит обреченный перепел. Не охота, а тир, стрельба по живым тарелочкам, нет в ней ни азарта, ни волнения.

Конечно, ничего этого отец Эйзенхауэру не сказал, только позднее, описывая посещение президентской фермы, позволил себе высказаться как охотнику. Он считал, что для знакомства с настоящей охотой следует прочитать «Войну и мир» Льва Толстого. «Я перечитывал соответствующие главы много раз, и всякий раз у меня поднималась температура, так красочно и рельефно показана охота, так она зажигает, особенно когда человек имеет к ней страсть», – написал отец в книге воспоминаний.

Прогулявшись по полям, подошли к стойлам, в них президент содержал бычков породы Блэк Ангус.

«Скот мясной, очень плотный, на коротких ногах, упитанный, – деловито запишет в своих мемуарах отец. – Выход говядины высокий, около шестидесяти или шестидесяти пяти процентов, почти как у свиней. Свинына, насколько я помню, имеет товарный выход семьдесят процентов».

Эйзенхауэр подарил отцу бычка и телку. Отец ему – саженцы русских березок. Президент еще раньше упоминал, что они ему очень нравятся.

Как рассказал мне Дэвид, березки прижились в Геттисберге, растут там по сей день. Бычка с телкой отец отдал подмосковным животноводам с пожеланием и нам развести таких. До 1964 года их, естественно, холили, а что случилось дальше, я не знаю. Возможно, списав по акту, пустили на мясо, как списали и большинство других «не представлявших ценности» подарков, преподнесенных отцу.

Однако вернемся к теме бабочек. Теперь, если отец брал меня в зарубежные поездки, я непременно тащил с собой сачок и все к нему прилагающееся.

Уже через год мне представился случай половить настоящих тропических бабочек. Президент Индонезии Ахмед Сукарно все последние годы настойчиво зазывал отца в гости. Наконец отец решил: надо ехать. Индонезия – быстро развивающаяся страна, потенциальный лидер региона, и для нас дружить с ней, установить близкие отношения, если не жизненно важно, то весьма желательно. Визит назначили на февраль 1960 года. Я ходил сам не свой. Уже упоминавшийся выше Альфред Уоллес описал в своей книге, как, путешествуя по острову Ява, он наблюдал полет фантастически красивых ярко-зеленых огромных бабочек, прицекрылок-орнитоптер. Не только наблюдал, но и ловил. Столица Индонезии Джакарта находится на Яве, и отец летит именно туда.

Вот только возьмет ли он меня с собой? Ведь я только что съездил с ним в Америку. Обычно я не просился у отца, предложит – хорошо, нет – значит, так надо, но тут я отбросил все приличия. Отец согласился неожиданно легко. Он тоже читал книгу Уоллеса, его тоже очаровало описание экзотической природы Явы. Одним словом, он меня понимал.

Джакарта меня разочаровала. Огромный грязноватый город, на улицах пованивает, в ваннных комнатах президентского дворца по полу носятся огромные, длиной в человеческую ладонь тараканы, к тому же еще и летающие. С большим трудом я изловил парочку, в подарок моему приятелю, собирателю жуков Николаю Николаевичу Филиппову.

Джунгли на Яве мы не увидели. Вместо них по склонам холмов поднимались уступами, похожими на ступени лестницы, рисовые чеки. Орнитоптеры исчезли вместе с джунглями. Однако бабочек попроще оказалось множество. попроще – из тропических видов, а в сравнении с обитательницами подмосковных лесов, нечто невообразимо красочное. С раннего утра многоцветные красавицы порхали над цветущими кустами под окнами предоставленной отцу резиденции. С приходом темноты дневные бабочки исчезали, их сменяли вьющиеся вокруг светильников ночные. Налетавшись, они садились отдыхать, «заляпывая» темными пятнышками и пятнами белые стены открытой террасы.

Охоту я начал с первого дня. Сначала смущался окружающих, сопровождавшие нас индонезийцы следили за мной, мягко говоря, с удивлением. Потом привыкли, и я привык, повсюду таскал с собой сачок. В глубине души еще надеялся на встречу с орнитоптерой.

Через пару дней у меня появились добровольные помощники, правда, абсолютно бестолковые. Ловля бабочек требует навыка и сноровки. Из членов делегации охотой за бабочками увлекся Леонид Федорович Ильичев, ответственный за идеологию секретарь ЦК, очень живой и контактный человек. Низкорослый, коренастый, подвижный Леонид Федорович охотился с азартом, по-тигриному припадая к земле, подкрадывался к сидевшей на цветке бабочке, из засады бросался на нее, хлопая с силой сачком, калечил цветок, а бабочка успевала улететь. И все начиналось сначала. В какой восторг он пришел, поймав наконец-то свою первую бабочку! Леонид Федорович «заболел» бабочками, почти как я высматривал их, где только возможно, и не только днем, но и после наступления темноты. Вечером, перед ужином все собирались на террасе дворца. Однажды Леонид Федорович заметил неподвижно сидевшую на стене обалдевшую от света огромную, хвостатую, серую уранию. Обычно прилетевших на свет ночниц собирают руками, но он прихлопнул ее сачком и основательно помял. В коллекцию бабочка не годилась, крылья изломаны, пыльца потерта, но глаза Леонида Федоровича светились таким восторгом...

Другие члены делегации тоже иногда брали сачок в руки, но своего достоинства не роняли, неуклюже помахивая им, как правило, возвращали пустым.

Примерно к середине визита к моей «охоте» подключилась и многочисленная индонезийская охрана. Тогда на Яве не утихала партизанская война, и нас сопровождал батальон охраны. Молодые парни с автоматами, в касках следовали на джипах впереди и позади кортежа, на остановках окружали нас плотным кольцом, стоя спиной к гостям, внимательно всматривались, в зависимости от обстановки, в городскую толпу или заросли бананов. Никто на нас так и не напал, и им вскоре все наскучило. Сначала солдаты следили за моей беготней с сачком, переговаривались, комментируя мои удачи и неудачи и наконец решили мне сделать приятное. По своему разумению, естественно. Один притащил мне огромную жабу, другой – черного, величиной с ладонь скорпиона, а третий – летучую лисицу (питающуюся фруктами летучую мышь, величиной с орла). Жабу с лисицей я выпустил на волю, а скорпиона засушил на память. Он и по сей день хранится у меня в застекленной коробке.

«Бабочковая лихорадка» не миновала даже отца. Сачок он, правда, в руки не взял, но вместе со мной пошел в Богорский зоологический музей, находившийся по соседству с одной из загородных резиденций Сукарно, где нас разместили. В музее его сфотографировали на фоне коллекции бабочек.

Последним в охоту на бабочек включился президент Сукарно. Отец рассказывал, уже по возвращении в Москву, как вечером в президентском дворце Мердека в Джакарте во время их заключительной беседы он в какой-то момент заметил, что Сукарно отвечает невпопад, шарит взглядом по потолку. Оказалось, в окно на свет влетела ночная урания, такая же, какую поймал Ильичев. Ее порхание вокруг люстры отвлекло президента от обсуждения наверно важных межгосударственных дел. Наконец Сукарно не выдержал, схватил свой тропический «колониальный» шлем, с ним он никогда не расставался, вскочил на стул и, пытаясь изловить бабочку, начал им размахивать. Без какого-либо успеха, разумеется.

Так завершилась моя бабочковая эпопея в Индонезии. Орнитоapterы я не увидел, улов мой никаких редкостей, как и следовало ожидать, не содержал, но зато какая осталась память! И еще сохранился любительский кинофильм, запечатлевший размахивающих сачком и меня, и Ильичева, и Аджубея, и еще кого-то.

Однако несколько орнитоapter в моей коллекции все-таки появилось. Мне их неожиданно-негаданно подарил президент Франции Шарль де Голль. В начале шестидесятых они с отцом нащупывали пути сближения двух стран. Вот президент и решил доставить через меня удовольствие отцу. Среди подаренных орнитоapter оказалась особенно изящная, названная ее первооткрывателем «парадизеа», передние крылья желтовато-зеленые, с металлическим отливом, задние – заостренные книзу желтые с зеленым ободком, оканчива-

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

ющиеся шнурками черных шпор. Водятся такие красавицы или водились когда-то только на одном из островов в Тихом океане, недавней французской колонии. Эти орнитоптеры, в том числе и парадизеа, по сей день висят на стене моей спальни. Просыпаясь утром, я вспоминаю и Уоллеса, и президента Сукарно, и чопорного де Голля.